

гому, пришла иная трактовка событий, но даже соглашаясь с оценкой интервенции как «грязной и позорной войны», мы против того, чтобы переносить такие же резкие оценки на деятельность гражданских специалистов, работу советников, поведение офицеров и солдат, не запятнавших свою совесть даже в тех условиях.

С самого начала афганской эпопеи вся мощь официальной советской пропаганды была направлена на то, чтобы представить Саурскую революцию как младшую сестру Великой Октябрьской социалистической. Мощно культивировалась идея об интернациональном долге Советского Союза, о вынужденности ввода войск, об американских планах подчинить Афганистан своему влиянию и расставить «першинги» на Гиндукуше. Всё это происходило в апогей холодной войны, находило отклик в умах и сердцах большинства советских людей.

Что бы ни писали сейчас «умные задним числом», тогда энтузиазм советского общества в отношении Афганистана был чрезвычайно велик и окрашен в яркие романтические тона. Военкоматы были завалены заявлениями желающих поехать добровольцами продолжать традиции Испании и Халхин-Гола, внешнеэкономические ведомства, торговые представительства отбирали специалистов для работы в ДРА в условиях жёсткой конкуренции, эстрадные певцы считали для себя честью выехать на гастроли и искренне говорили со сцены о своём преклонении перед мужеством и благородством посланцев нашей страны. Всё это было...

Афганская война была жестокой, особенно в первые годы. Душманы расправлялись с захваченными советскими солдатами с изуверским садизмом: выкалывали глаза, отрезали уши и носы, половые органы, вырезали сердца... Их зверство рождало у наших солдат ответную реакцию, жажду отмщения за товарища... Но с какого-то периода эта взаимная ненависть пошла как бы на убыль. Всё большее число полевых командиров стали предпочитать брать солдат и офицеров в плен, сохранять их как заложников или «товар» для обмена. Открывались с каждым годом всё новые перспективы для переговоров, поисков перемирия, «национального примирения». Основная нагрузка в этой

работе, естественно, лежала на посольстве, представительствах КГБ и МВД СССР, партсоветниках.

Вспышки восстаний, ожесточённых выступлений афганских кишлаков, племён, целых провинций в большинстве случаев были спровоцированы нашей собственной глупостью, неумением понять специфику афганского общества, неготовностью в чужом монастыре жить по его уставу.

Но последней и непростительно грубой ошибкой было решение козыревского МИДа о «заклании» Наджиба. Дело даже не в том, что многие годы он был нашим верным соратником – что же, политика порой заставляет быть циничным... Прекратив оказывать правительству Наджиба экономическое и военное содействие (на взаимовыгодной основе), не заручившись сходными обязательствами от противной стороны (Пакистана, Саудовской Аравии), мы не Наджиба бросили на произвол судьбы. Мы Афганистан ввергли в стихию междуусобных столкновений, ставшую следствием фактического распада государственности. Всё мерится итогом, а он печален: **за годы после Наджиба в Афганистане погибло больше людей, чем за весь период советской интервенции.**

Много крови пролито на афганской земле, и она проливается и по сей день в непрекращающейся гражданской войне.

Газетное сообщение 8 апреля 1996 года:

«В результате последнего ракетного обстрела Кабула погибли 15 человек и несколько ранено. По заявлению правительственного радио, ответственность за обстрел несёт группировка «Талибан». Представитель Министерства обороны заявил, что войска, верные президенту страны Раббани, отбили наступление талибов в нескольких километрах к югу от столицы».

(В ночь на 27 сентября 1996 года талибы захватили Кабул. Бывший президент Афганистана Наджибулла казнён без суда и следствия. – *Авт.*)

Стало быть, нет мира в Гиндукуше!

Когда «шурави» ушли... Своё мнение спустя годы после вывода 40-й Армии из Афганистана высказал военный переводчик Г.Н.Клюкин. Он служил в Афганистане в разные времена, ещё при М.Дауде, и хорошо знает историю этого региона: